

ЭДГАР ПО

ПАДЕНИЕ ДОМА АШЕРОВ

СТРАШНЫЕ ИСТОРИИ
О ТАЙНАХ И ВООБРАЖЕНИИ

*В фантасмагорических
иллюстрациях
ГАРРИ КЛАРКА*

Москва
алгоритм

УДК 821.111-82(73)

ББК 84(7Сое)-44

П41

По, Эдгар Аллан.

П41 Падение дома Ашероу : страшные истории о тайнах и воображении : [перевод с английского] / Эдгар Аллан По ; иллюстрации Гарри Кларка. — Москва : Алгоритм, 2025. — 512 с. : ил.

ISBN 978-5-907363-55-7

В коллекционное иллюстрированное издание включены лучшие произведения Эдгара По — психологические, детективные, мистические. Таинственные истории, в которых трудно провести грань между реальностью и вымыслом, а ужас подавляет все остальные чувства. Эти рассказы завораживают и заставляют поверить в сверхъестественное.

Один из величайших американских романтиков XIX века, Эдгар Аллан По — фигура загадочная. Жизнь писателя окутана тайной и зловещей атмосферой наравне с его произведениями. Эдгар По всю жизнь смотрел в бездну, а бездна смотрела в него, и из этого рождались рассказы: мрачные, странные, причудливые. В них он затрагивал темы смерти, страдания, двойственности души, распада личности, врожденной порочности человека, его необъяснимой жестокости и сверхъестественных способностей. Эдгар По первым придумал сделать главным героем сыщика, его главным оружием — аналитические способности, а основой сюжета — расследование убийства. Именно ему обязан своим рождением знаменитый Шерлок Холмс.

В книге воспроизводятся иллюстрации Гарри Кларка, находящиеся где-то на стыке причудливости и жути, очень созвучные по духу публикуемым историям. Если бы сам автор взялся иллюстрировать собственные рассказы, он наверняка сделал бы это именно в подобном стиле.

УДК 821.111-82(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-907363-55-7

© Акимов Б. С. Комментарий, 2024

© ООО «Агентство Алгоритм», оформление, издание, 2025

ЭДГАР ПО

Биографический очерк

Величайший из американских поэтов родился 19 января 1809 года в Бостоне, США. Его родители, актеры бродячей труппы, умерли, когда Эдгару было всего два года. Мальчика принял и усыновил зажиточный купец из Виргинии Дж. Аллан. Детство Эдгара прошло в обстановке достаточно богатой. Алланы не жалели средств на его воспитание; хотя порой дела их шли неудачно, им даже грозило банкротство, мальчик этого не чувствовал: его одевали «как принца», у него была своя лошадь, свои собаки, свой грум. Когда Эдгару было шесть лет, Алланы поехали в Англию; там отдали мальчика в дорогой пансион в Лондоне, где он учился пять лет. По возвращении Алланов в 1820 году в Штаты Эдгар поступил в колледж в Ричмонде, который кончил в 1826 году. Заканчивать образование Эдгара отправили в университет в Ричмонде, тогда только что основанный.

Эдгар развился рано; в пять лет он читал, писал, рисовал, декламировал, ездил верхом. В школе легко поглощал науки, приобрел большой запас знаний по литературе, особенно английской и латинской, по всеобщей истории, по математике, по некоторым отраслям естествознания, таким, как астрономия, физика. Физически Эдгар был силен, участвовал во всех шалостях товарищей, а в университете — во всех их кутежах. Характер будущего поэта с детства был неровный, страстный, порывистый; в его поведении было много странного. С ранних

лет Эдгар писал стихи, увлекался фантастическими планами, любил производить психологические опыты над собой и другими; сознавая свое превосходство, давал это чувствовать.

Жизнь в богатстве кончилась для Эдгара, когда ему не было и полных 17 лет. В университете он пробыл всего год. Осенью 1826 года произошел разрыв между Дж. Алланом и его приемным сыном. Кто был «виноват», теперь выяснить трудно. Есть свидетельства, неблагоприятные для Эдгара; рассказывают, что он подделал векселя с подписью Дж. Аллана, что однажды, пьяный, наговорил ему грубостей, замахнулся на него палкой и т. п. С другой стороны, неоткуда узнать, что терпел гениальный юноша от разбогатевшего покровителя (Дж. Аллан получил неожиданное наследство, превратившее его уже в миллионера), вполне чуждого вопросам искусства и поэзии. По-видимому, искренне любила Эдгара только госпожа Аллан, а ее муж давно уже был недоволен эксцентричным приемным сыном. Поводом к ссоре послужило то, что Аллан отказался заплатить карточные долги Эдгара. Юноша считал их «долгами чести» и не видел иного исхода для спасения этой «чести», как покинуть богатый дом, где воспитывался.

Для Эдгара По началась скитальческая жизнь. Покинув дом Алланов, он поехал в родной Бостон, где напечатал сборник стихов под псевдонимом Бостонец; книжечка, впрочем, в свет не вышла. Это издание, вероятно, поглотило все сбережения юноши. Не имея приюта, он решился на крутой шаг — и поступил солдатом в армию под вымышленным именем. Службу он нес около года, был у начальства на хорошем счету и даже получил чин сержант-майора. В конце 1827-го или в начале 1828 года поэт, однако, не выдержал своего положения, обратился к приемному отцу, прося помощи, и, вероятно, выражал раскаяние. Дж. Аллан, может быть, по ходатайству жены, пожалел юношу, оплатил наем заместителя и выхлопотал Эдгару освобождение. Но, приехав в Ричмонд, Эдгар уже не застал в живых своей покровительницы: госпожа Аллан умерла за несколько дней до того (28 февраля 1829 года).

Получив свободу, Эдгар По вновь обратился к поэзии. Он вновь побывал в Балтиморе и познакомился там со своими родственниками по отцу (которые разошлись с ним из-за его женитьбы на актрисе) — с сестрой, бабушкой, дядей Георгом По и его сыном Нельсоном По. Последний мог познакомить

Эдгара с редактором местной газеты, Уильямом Гвином. Через Гвина Эдгар получил возможность обратиться к видному тогда нью-йоркскому писателю Дж. Нилу. И Гвину и Нилу начинающий поэт представил на суд свои стихи. Отзыв, при всех оговорках, был самый благоприятный. Результатом было то, что в конце 1829 года в Балтиморе вторично был издан сборник стихов Э. По под его именем, озаглавленный «Аль-Аараф, Тамерлан и малые стихотворения». На этот раз книжка поступила в магазины и в редакции, но прошла незамеченной.

Между тем Дж. Аллан настаивал, чтобы Эдгар закончил свое образование. Решено было, что он поступит в Военную академию в Вест-Пойнте, хотя по годам он уже не подходил к этой школе для юношей. В марте 1830 года, по ходатайству Аллана, Эдгар все же был принят в число студентов, и его приемный отец подписал за него обязательство отслужить в армии пять лет. Вряд ли Эдгар охотно шел в академию; во всяком случае, он скоро убедился, что карьера, навязанная ему приемным отцом, совершенно для него неприемлема. Нормальным порядком покинуть школу Эдгар не мог. С обычной горячностью он взялся за дело иначе и сумел добиться того, что в марте 1831 года был из академии исключен. Этим юный поэт опять вернул себе свободу, но, конечно, вновь рассорился с Дж. Алланом.

Из Вест-Пойнта Эдгар По уехал в Нью-Йорк, где поспешил издать третий сборник стихов, названный, однако, «вторым изданием»: «Поэмы Эдгара А. По. Второе издание». Средства на издание были собраны подпиской; подписались многие товарищи из академии, ожидавшие, что найдут в книге те стихотворные памфлеты и эпиграммы на профессоров, которыми студент Аллан По стал известен в школе. Таким подписчикам пришлось разочароваться. Покупателей у книги, расцененной дорого, в два с половиной доллара, не нашлось. Немногочисленные рецензии подсмеивались над «непонятностью» стихов.

В 1831 году Эдгар По делал попытки занять какое-либо определенное положение в обществе. Сохранилось от этого времени два письма. Первое, от 10 марта 1831 года, Эдгар По послал некоему полковнику Тэйеру с фантастической просьбой: помочь ему, Эдгару, как сержант-майору американской армии поступить в ряды французских войск, если Франция вступит за Польшу и пошлет повстанцам 1831 года помощь против России. Вероятно, письмо осталось без ответа. Второе, от 6 мая

1831 года, адресовано Уильяму Гвину, о котором уже упоминалось: Эдгар По просил предоставить ему какую-нибудь литературную работу. Если ответ и был, то отрицательный. Тогда же, летом 1831 года, Эдгар По искал места учителя в одной школе в Балтиморе, но тоже безуспешно. Есть еще сомнительные сведения, что Эдгар По вновь обращался к своему приемному отцу и тот выдавал ему какие-то денежные пособия. Во всяком случае, пособия эти были крайне незначительны.

Три года, с осени 1831 по осень 1833 года, — самый темный период в биографии Эдгара По. Летом 1831 года Эдгар По жил в Балтиморе, у своей тетки г-жи Клемм, матери той Виргинии, которая стала женой поэта (заметим, что Виргинии тогда было всего девять лет). С осени 1831 года следы Эдгара По теряются. Некоторые биографы предполагали, что на эти годы падает поездка Эдгара По в Европу. В своих стихах и рассказах Эдгар По не раз говорит о разных местностях Европы тоном очевидца (например, в стихотворении «К Занте»). Но никакие документальные данные такой поездки не подтверждают, да и вряд ли у Эдгара По могли быть средства на нее. Вероятно, что эти три года Эдгар По провел в Балтиморе, существуя на скудные пособия Дж. Аллана, на случайные заработки и пользуясь помощью г-жи Клемм, которая любила юного поэта как сына, но сама была бедна. К концу этого периода Эдгар По дошел до крайней стесненности, вернее до подлинной нищеты.

Несомненно, что за эти годы молодой поэт все же много работал. Им был написан ряд новелл — лучших в раннем периоде его творчества. Осенью 1833 года балтиморский еженедельник «Saturday Visitor» («Субботний гость») объявил конкурс на лучший рассказ и лучшее стихотворение. Эдгар По послал на конкурс шесть рассказов и отрывок в стихах «Колизей». Члены жюри, Дж. Кеннеди, Д. Латроб и Дж. Миллер, единогласно признали лучшими и рассказ и стихи Эдгара По. Однако, не считая возможным выдать две премии одному лицу, премировали только рассказ «Манускрипт, найденный в бутылке», за который автору и была выдана премия в сто долларов. Деньги подоспели как раз вовремя. Эдгар По буквально голодал, и когда Кеннеди пригласил его к себе обедать, должен был отказаться за отсутствием мало-мальски приличного костюма...

Весной следующего года, в марте 1834-го, умер Дж. Аллан, не оставив по завещанию своему приемному сыну ни цента.

Но к этому времени Эдгар По уже начал работать в журналах. Сначала он помещал кое-что в «Saturday Visitor»; потом был рекомендован Кеннеди в одно нью-йоркское издание к Томасу Уайту, издававшему в Ричмонде «Southern Literary Messenger» («Южный литературный вестник»). В этом последнем журнале Эдгар По стал сотрудничать регулярно, поместив там ряд статей и, между прочим, весной 1835 года, новеллы «Морелла» и «Береника», а потом «Приключение Ганса Пфааля», имевшие у американской публики огромный успех. Говорят, что при сотрудничестве Эдгара По тираж журнала возрос с 700 до 5000 подписчиков.

Томас Уайт пригласил Эдгара По редактировать «Вестник», с жалованьем в десять долларов в неделю. Эдгар По должен был переехать в Ричмонд, но до отъезда пожелал обвенчаться с той Виргинией, которую знал с детства и давно любил. Виргиния во многом была подобна идеальным героиням сказок Эдгара По; красота ее была исключительная. Но летом 1835 года Виргинии все еще не было полных тринадцати лет (так как она родилась 22 августа 1822 года). Родственники Эдгара, особенно Нельсон По, о котором уже упоминалось, были против такого брака с девочкой, но Эдгар настаивал, и миссис Клемм, мать невесты, приняла его сторону. Эдгар и Виргиния были негласно обвенчаны, но новобрачная осталась в доме матери, и через год (16 мая 1836 года) церемония венчания была повторена открыто; впрочем, и тогда Виргинии недоставало трех месяцев до четырнадцати лет.

Новобрачные предполагали жить вместе с миссис Клемм в Ричмонде, где у Эдгара По была квартира в доме Уайта. Однако между редактором и издателем неожиданно произошел разрыв, причины которого не вполне выяснены. 3 января 1837 года Эдгар По сложил с себя обязанности редактора «Вестника», дававшие ему уже пятнадцать долларов в неделю, и в том же месяце уехал с семьей в Нью-Йорк как в самый крупный литературный центр Штатов. В Нью-Йорке поэт поселился в жалком домишке на Carmine-Street, причем м-с Клемм решила там открыть пансион, вернее, просто сдавать жильцам «комнаты со столом».

В Нью-Йорке Эдгар По прожил почти два года. Он сотрудничал в разных изданиях, преимущественно в «American Museum» («Американский музей»), напечатав за это время не-

сколько из замечательнейших своих поэм и новелл, в том числе и «Лигейю». Отдельно он издал «Приключения Артура Гордона Пима», повесть, прошедшую мало замеченной в Америке, но имевшую большой успех в Англии. Гонорар Эдгара По обычно не превышал 5–6 долларов за рассказ, редко доходя до десяти долларов, так что поэт постоянно нуждался. Любопытно, что наибольший материальный успех выпал на долю составленного Эдгаром По руководства по хронологии, которое, по существу, было почти плагиатом, — сокращением и поверхностной переделкой труда одного шотландского профессора: работа была исполнена столь удачно, что переделку покупали предпочтительно перед оригиналом.

В конце 1838 года Эдгар По с семьей вновь переселился, на этот раз — в Филадельфию, тоже большой литературный центр, соперничавший с Нью-Йорком. По было предложено место редактора, опять с жалованьем в десять долларов в неделю, со стороны «Gentleman's Magazine» (буквально: «Джентльменский журнал», т. е. журнал для читателей избранных, культурных), возникшего только в предыдущем году. В этом издании Эдгар По опять поместил ряд замечательных новелл, в том числе «Падение дома Ашеров», и нес все тяготы чисто журнальной работы. Там же в 1840 году Эдгар По начал печатать «Записки Юлия Родмана», самое крупное (по размерам) свое произведение после «Приключений Артура Пима»; но «Записки» остались незаконченными. Сотрудничал он и в других изданиях.

Долго и упорно Эдгар По мечтал основать собственный журнал; даже был уже напечатан проспект о ежемесячнике «Penn Magazine», но издание не осуществилось, конечно, по недостатку средств. С февраля 1841 года «Gentleman's Magazine» соединился с журналом «The Casker» («Шкатулка») в одно издание под названием «Graham's Magazine» («Журнал Гре-хэма»), руководителем которого остался Эдгар По. В короткое время тираж этого нового журнала достиг значительной цифры в 40 000 экземпляров. Положение Эдгара По как будто упрочивалось. В конце 1840 года Эдгар По собрал свои новеллы в отдельном издании, в двух томах, под заглавием «Гротески и арабески». В любопытном предисловии к этому изданию Эдгар По защищается от упрека в «германизме», говоря, что «страх», составляющий тему многих рассказов, — явление не «германское», а психическое. Сравнительное преуспевание Эд-

гара По длилось недолго. «Гротески», по издательскому выражению, «не пошли»; «Журнал Грехэма» неожиданно распался. Издатель журнала пригласил для работы в редакции Руфуса У. Грисуолда, которого Эдгар По имел поводы считать своим личным врагом. Нервность, страстность Эдгара По привела к тому, что он немедленно покинул редакцию, чтобы не возвращаться в нее более. Это произошло в марте 1842 года. После того начались тщетные поиски места и заработка. Эдгару По давали обещания, но не исполняли их; проходили месяцы, скудные сбережения исчерпывались. В несчастье Эдгар По все чаще уступал болезненному влечению к алкоголю, и его враги пользовались его болезнью, чтобы унижить его. Р. Грисуолд, занявший место Эдгара По в «Журнале Грехэма», печатал яростные нападки на поэта. Эдгар По, по возможности, отвечал, не щадя самолюбия бездарного стихокропателя. Эта полемика в достаточной степени повредила Эдгару По в литературных кругах.

Не без труда Эдгар По нашел наконец скудную работу в «Saturday Museum» («Субботный музей»). Между тем гениальные сказки и новеллы поэта, оплачиваемые ничтожным гонораром, 2–3 доллара за страницу, печатались в мелких американских журналах, в числе таких рассказов были «Элеонора», «Колодец и маятник», «Тайна Мари Роже». Только «Золотой жук», рукопись которого долго валялась в редакции «Журнала Грехэма», принес Эдгару По премию в сто долларов на конкурсе, который был организован захудалым изданием «The Dollar Newspaper» («Временник в один доллар»). Рассказ был затем перепечатан несчетное число раз, но не принес автору более ничего: законы о печати в Штатах были тогда еще несовершенны. Несколько больший заработок давали публичные лекции, и Эдгар По все чаще стал выступать лектором, пользуясь, между прочим, кафедрой для полемики со своими врагами, особенно с Грисуолдом.

Так просуществовал Эдгар По с семьей 1841–1843 годы, живя в маленьком домишке, в предместье Филадельфии. Но впереди подстерегало поэта тяжелое испытание. У Виргинии, после пения, лопнул кровеносный сосуд. Несколько дней она была при смерти; потом оправилась, но с тех пор ее жизнь стала медленным умиранием. Кровотечения из горла повторялись и каждый раз грозили смертью. Эдгар По дошел до пределов отчаяния. Он утратил способность работать си-

стематически. Помимо вина, он стал прибегать к опию. Для жены и ее матери это был ужас; для самого Эдгара — стыд, так как он и сам считал свою болезнь пороком; для литературных врагов — предлог для неистовых обвинений и коварных соболезнований. К 1844 году Эдгар По с семьей снова дошел до нищеты; они голодали. Положение было таково, что Эдгар По написал письмо Грисуолду, прося ссудить пять долларов.

В апреле 1844 года По опять переехал в Нью-Йорк. Издатель местной газеты нажил хорошие деньги, устроив ловкую рекламу рассказу Эдгара По «Перелет через Атлантику», но сам автор получил гроши. В нью-йоркских журналах было напечатано несколько новелл Эдгара По, но гонорар едва спасал от голодной смерти. В январе 1845 года журнал «The Evening Mirror» («Вечернее зеркало») напечатал поэму «Ворон», которую поэт тщетно предлагал в другие издания. За это свое знаменитейшее создание Эдгар По получил десять долларов. (Позднее, в 1891 году, автограф «Ворона» был продан на аукционе за 225 долларов, а автограф «Колоколов» в 1905 году — за 2100 долларов.)

Впрочем, успех поэмы был исключительный; о ней много говорили, сам автор мог прочесть несколько лекций о «Вороне» в разных городах; поэта стали приглашать как знаменитость в «лучшее» общество Нью-Йорка.

Полоса успеха длилась около года. Благодаря публичным лекциям появились кое-какие деньги. Затем, в том же 1845 году, было выпущено отдельное собрание стихов Эдгара По, «Ворон и другие стихотворения», потребовавшее повторения в том же году, а в следующем, 1846-м, переизданное в Англии. Ряд новых новелл Эдгара По был напечатан в разных журналах. Наконец, издатели нового «Broadway Journal» («Бродвейский журнал») пригласили Эдгара По быть членом редакции. Последнее, однако, вряд ли сослужило поэту пользу. Он скоро рассорился с соиздателями и отважно взвалил на одного себя ведение журнала. Но всего гения поэта, всей той изумительной трудоспособности, которую он умел проявлять по временам, оказалось недостаточно; был нужен капитал, а денег не было. Эдгар По занимал мелкие суммы, опять обращался к Грисуолду за ссудой в пятьдесят долларов, но это не могло спасти издание. Уже 25 декабря 1845 года Эдгар По вынужден был сложить с себя обязанности редактора.

С 1846 года возобновилась прежняя бедственная жизнь, — жалкие гонорары, скудные доходы с лекций, не всегда удачных, приступы алкоголизма, и все это — рядом с умирающей безумно любимой женой.

Поэт-энтузиаст строил химерические проекты, задумывал грандиозные литературные планы, но все это оставалось мечтами. В ту эпоху у Эдгара По уже были верные друзья: Уиллис, госпожа Осгуд, госпожа Шью и другие, которые, сколько могли, помогали поэту. Из воспоминаний этих лиц рисуется мучительная картина жизни Эдгара По в этом году. Сидя у постели угасающей Виргинии, поэт опять не в силах был работать. Деньги в доме отсутствовали; есть было нечего; зимой не было дров. Эдгар согревал руки больной своим дыханием или клал ей на грудь большую пушистую кошку: большего, чтобы защитить Виргинию от холода, он сделать не мог. 30 января 1847 года Виргиния умерла. Только благодаря помощи госпожи Шью похороны были «приличны», что особенно оценила госпожа Клемм.

Последние годы жизни Эдгара По, 1847–1849, были годами метаний, порой полубезумия, порой напряженной работы, редких, но шумных успехов, горестных падений и унижений и постоянной клеветы врагов (из коих одного поэт даже привлек к суду). Виргиния, умирая, взяла клятву с госпожи Шью не покидать Эдди (Эдгара); она и его другие друзья старались удерживать его от неосторожных поступков, но это было нелегко. Эдгар По еще пленялся женщинами, воображал, что вновь любит, даже шла речь о женитьбе на подруге его юности, Эльмире Райт. В жизни он держал себя странно, вызывая недоумение окружающих. Однако он издал еще несколько гениальных произведений: «Улалюм», «Колокола», «Аннабель-Ли». Он написал также философскую книгу «Эврика», которую считал величайшим откровением, когда-либо данным человечеству.

Но недуг уже разрушал жизнь поэта; припадки алкоголизма становились все мучительнее, нервность возрастала почти до психического расстройства. Госпожа Шью, не умевшая понять болезненного состояния поэта, сочла нужным устраниться из его жизни. Осенью 1849 года наступил конец. Полный химерических проектов, считая себя вновь женихом, Эдгар По в сентябре этого года с большим успехом читал в Ричмонде лекцию о «Поэтическом принципе». Из Ричмонда Эдгар

По выехал, имея 1500 долларов в кармане. Что затем произошло, осталось тайной. Может быть, поэт подпал под влияние своей болезни; может быть, грабители усыпили его наркотиком. Эдгара По нашли на полу в бессознательном состоянии, ограбленным. Поэта привезли в Балтимор, где Эдгар По и умер в больнице 7 октября 1849 года.

По собственному распоряжению Эдгара По, редактором посмертного издания его сочинений был избран Р. Грисуолд. Это роковым образом предопределило посмертную судьбу поэта на долгие десятилетия. В память ближайших поколений благодаря заботам Грисуолда Эдгар По вошел как полусумасшедший пьяница, автор занимательных, но диких и извращенных произведений. Медленно, очень медленно стараниями истинных ценителей творчества Эдгара По удавалось изменять такое предвзятое мнение. Только в конце XIX и в начале XX века была восстановлена, в документально обоснованных биографиях, подлинная судьба поэта, составлено действительно полное собрание его сочинений и дана возможность читателям правильно судить о величайшем из поэтов новой Америки.

Валерий Брюсов

**РАССКАЗЫ,
ОПУБЛИКОВАННЫЕ
В СБОРНИКАХ**

При жизни Эдгара По в США были
изданы два сборника его рассказов: «Гротески
и арабески» (*Tales of the Grotesques and
Arabesque*, 1840)

в 2-х томах и «Рассказы» (*Tales*, 1845).
Первый состоял из 25 рассказов, второй
включал в себя 12 произведений, два из
которых — «Падение дома Ашеров»
и «Разговор Эйрос и Хармионы» —
уже были опубликованы в первом сборнике.

Из сборника «Гротески и арабески»

МЕТЦЕНГЕРШТЕЙН

Pestis eram vivus — moriens tua mors ero.

Martin Luter¹

Ужас и фатальность бродили везде во все века. Зачем же указывать время, к которому относится мой рассказ? Достаточно будет сказать, что тогда существовала в глубине Венгрии упорная, хотя и скрытая вера в учение о Перевоплощении. О самом учении — т.е. об его ложности или о его вероятности — я не говорю ничего. Я утверждаю, однако, что наш скептицизм (а по словам Лабрюйера*, и все наше несчастье) в значительной степени *«vient de ne pouvoir être seuls»*².

Но в суеверии венгерцев были некоторые пункты, почти приводившие к абсурду. Жители Венгрии весьма существенно отличались от авторитетов Востока. Например, «*Душа*», говорили венгерцы — я цитирую слова одного пронизательного и умного парижанина — *«ne demeure qu'une seule fois dans un*

¹ При жизни я был тебе чумой — умирая, я буду твоей смертью. Мартин Лютер* (лат.).

² Происходит от того, что мы не можем быть одни (фр.). Мерсье, в «*L'an deux mille quatre cent quarante*»*, серьезно поддерживает учение о Перевоплощении. И. Дизраэли говорит, что «нет системы более простой и менее противоречащей разуму». * Полковник Итен Аллен*, один из «*Green Mountain Boy*», также считается серьезным сторонником учения о Перевоплощении.

corps sensible: au reste – un cheval, un chien, un homme même, n'est que la ressemblance peu tangible de ces animaux»¹.

Фамилии Берлифитцинга и Метценгерштейна веками враждовали между собой. Никогда раньше не было двух домов таких знаменитых и взаимно проникнутых настолько смертельной ненавистью. Начало этой вражды было, по-видимому, обусловлено словами древнего пророчества: «Высоко рожденный падет низко, когда, точно всадник над конем, тленность Метценгерштейнов восторжествует над нетленностью Берлифитцингов».

Конечно, эти слова сами по себе имели мало смысла, если только в них есть смысл. Но еще более тривиальные причины обусловили — и не так давно — последствия в равной мере богатые событиями. Кроме того, между этими владениями, которые были смежными, давно существовало соперничество в сфере влияния на хлопотливое правительство. К тому же близкие соседи редко бывают друзьями; а обитатели замка Берлифитцинг могли смотреть с своих высоких башен прямо в самые окна дворца Метценгерштейн. Наконец, пышность, более чем феодальная, менее всего была способна смягчить раздражение Берлифитцингов, не столь родовитых и не столь богатых. Что же удивительного, что слова предсказания, хотя бы и лишённые смысла, сумели вызвать и были способны поддерживать вражду между двумя фамилиями, уже предрасположенными к ссоре, благодаря всяческим подстрекательствам родового соперничества? Пророчество, по-видимому, указывало, если оно могло только на что-нибудь указывать, на окончательное торжество дома, уже и теперь более могущественного; и, конечно, соперник более слабый и менее влиятельный вспоминал об этих словах с чувством самой острой вражды.

Вильгельм, граф Берлифитцинг, хотя и происходивший от благородных предков, был в эпоху этого повествования недужным и выжившим из ума стариком, ничем не замечательным, кроме необузданной закоренелой семейной антипатии к сопернику и такой страстной любви к лошадям и к охоте, что ни физическое нездоровье, ни преклонный возраст, ни

¹ Душа живет только однажды в теле, одаренном чувствительностью. Таким образом лошадь, собака, даже человек являются ничем иным, как обманчивым подобием этих существ (фр.).

слабоумие не удерживали его от ежедневного занятия этим спортом.

Что касается Фредерика, барона Метценгерштейна, он был еще не стар. Его отец, Министр Г., умер молодым. Его мать, леди Мэри, быстро последовала за своим мужем. Фредерику шел в это время восемнадцатый год. В городе восемнадцать лет не Бог весть какой возраст, но в глуши — в великолепной глуши такого старинного поместья — колебания маятника исполнены более глубокого значения.

Благодаря некоторым особенным обстоятельствам, исходившим из распоряжений его отца, молодой барон тотчас же после его смерти вступил во владение обширными богатствами. Не часто находились в прежнее время в руках одного венгерского дворянина такие громадные поместья. Его замкам не было числа. Всего более выделялся из них по своим размерам и пышности дворец Метценгерштейн. Пограничная линия его владений никогда в точности не была определена, но главный его парк имел в окружности пятьдесят миль.

При наследовании такого несравненного богатства собственником таким молодым, и с характером таким известным, мало оставалось места для догадок относительно вероятного течения событий. И действительно, в продолжение трех дней поведение юного наследника далеко превзошло ожидания самых пламенных его поклонников.

Позорное беспутство — вопиющее предательство — неслыханные жестокости быстро дали понять трепещущим вассалам, что никакое рабское подчинение с их стороны, никакие уколы совести с его — не будут отныне обеспечивать их от бесцеремонных посягательств маленького Калигулы*. На четвертый день, ночью, конюшни в замке Берлифитцинг были объяты пламенем: все соседи единогласно приписали пожар злодейским замыслам барона, отвратительное коварство которого уже сказалось в разных чудовищных деяниях.

Но в то время как происходила суматоха, вызванная пожаром, сам молодой владетель, по-видимому погруженный в глубокие размышления, сидел в одном из обширных и пустынных верхних покоев фамильного дворца Метценгерштейн. Богатая, хотя и поблекшая обивка, угрюмо висевшая на стенах, изображала призрачные и величественные фигуры множества знаменитых предков. *Здесь священники и высшие*

духовные особы, разукрашенные горностаями, сидят запросто с самодержцем и сувереном, накладывая вето на желание мирского короля, или именем верховной власти папы обуздывают мятежные замыслы Архидьявола. Там высокие стройные фигуры князей Метценгерштейнов — их мускулистые боевые кони, попирающие трупы павших врагов — заставляли трепетать самые сильные нервы своей могучей выразительностью; и здесь опять сладострастные фигуры дам давно прошедших дней, точно белоснежные лебеди, проплывали в лабиринте фантастических танцев под струны воображаемой музыки.

Но в то время как барон с действительным или притворным вниманием слушал постепенно возраставшую суматоху в конюшнях Берлифитцинга — или быть может обдумывал еще более новое, еще более решительное деяние дерзости и своеволия — его глаза безотчетно устремились на фигуру громадной лошади, которая, отличаясь неестественной окраской, была изображена на обивке, как принадлежащая сарацинскому предку враждебной фамилии. Сама лошадь на переднем фоне рисунка стояла неподвижно, наподобие статуи — между тем как значительно дальше, позади, сброшенный всадник погибал под рапирой одного из Метценгерштейнов.

Дьявольская улыбка заиграла на губах у Фредерика, когда он заметил направление, в котором, независимо от его воли, устремился его взгляд. Но он не отвел своих глаз в сторону. Напротив, он никак не мог объяснить ту непобедимую тревогу, которая налегла на его чувства, как саван. Лишь после усилий он мог примирить свои смутные и бессвязные ощущения с уверенностью, что он не спит. Чем дольше он смотрел, тем более он погружался в чары — тем невозможнее казалось ему оторвать свой взор от картины, завожжившей его. Но шум снаружи внезапно вырос до громадных размеров, и он, сделав над собою напряженное усилие, обратил внимание на блеск ослепительного красного света, отброшенного от пылающих конюшен на окна замка.

Это, однако, продолжалось не более секунды; взоры Фредерика механически возвратились к стене. К его крайнему ужасу и изумлению голова гигантской лошади переменяла за это время свое положение. Шея животного, раньше как бы с жалостью согнутая дугой над распростертым телом господина, была теперь вытянута во всю длину по направлению к барону.

Глаза, до этого невидимые, теперь были полны энергического и совершенно человеческого выражения, причем они блистали необыкновенно красным пылающим огнем; и растянутые губы видимо взбешенной лошади выставляли совершенно наружу её отвратительные зубы, зубы скелета.

Пораженный ужасом, молодой барон неверной походкой направился к двери. Когда он открывал ее, полоса красного света, ворвавшись в комнату, отбросила его отчетливую тень на колеблющуюся обивку; и он содрогнулся, увидев, что тень — в то самое время как он зашатался на пороге — приняла неподвижное положение, и как раз наполнила контуры неумолимого и торжествующего убийцы, поражавшего сарацина Берлифитцинга.

Чтобы усмирить свое смятение, барон ринулся на двор. У главных ворот дворца он встретил трех конюхов. С большими усилиями, и с опасностью для собственной жизни, они удерживали гигантскую огненного цвета лошадь, которая бешено билась.

— Чья лошадь? откуда вы ее взяли? — спросил Фредерик придирчивым и грубым тоном, тотчас же увидав, что таинственная лошадь, изображенная на обивке, являлась совершенным двойником лошади, бесившейся перед ним.

— Это ваша собственность, — ответил один из конюхов, — по крайней мере никто не заявляет претензий на нее. Мы ее поймали на всем скаку, она вся была покрыта пеной, и дымилась в бешенстве, и бежала из горящих конюшен Замка Берлифитцинг. Мы думали, что это — одна из выводных лошадей старого графа, и хотели отвести ее назад. Но тамошние грумы наотрез отказались от нее, что очень странно, так как на ней очевидные знаки того, что она убежала из самого огня.

— Кроме того, на лбу у нее совершенно явственно виднеются буквы В. Ф. Б., — вмешался второй конюх, — я думаю, что это, конечно, начальные буквы Вильгельма Фон Берлифитцинга — но все в замке решительно говорят, что она знать не знает этой лошади.

— Очень странно! — задумчиво сказал молодой барон, и, по-видимому, сам не сознавал, что он хотел сказать этими словами. — Вы говорите, что это замечательная лошадь — что это чудо, а не лошадь! Однако, как можно видеть, с ней довольно трудно справиться; впрочем, пусть она будет моей, — прибавил он после некоторой паузы, — быть может, такой ездки,

как Фредерик Метцгерштейн, сумеет укротить самого дьявола из конюшен Берлифитцинга.

— Вы ошибаетесь, господин мой, лошадь, как мы, кажется, упоминали, не принадлежит к конскому заводу графа. Если бы она была из его конюшен, разве мы бы осмелились привести ее пред лицо владетеля, носящего ваше имя.

— Хорошо! — сухо заметил барон, и в то же самое мгновение из дворца поспешными шагами прибежал паж, весь раскрасневшийся. Он прошептал на ухо своему господину о внезапном исчезновении небольшого куска обивки в одной из комнат; тут он принялся описывать точные подробности; но он настолько понизил голос, что у него не вырвалось ни одного слова, которое могло бы успокоить возбужденное любопытство конюхов.

Молодой Фредерик в течении этого разговора казался взволнованным и объятый самыми разнообразными ощущениями. Вскоре, однако, к нему вернулось его хладнокровие, и упорное злорадство запечатлелось на его лице, когда он отдал категорическое приказание немедленно же запереть упомянутую комнату, и ключ принести ему.

— Ваша милость изволили слышать о несчастной смерти старого охотника Берлифитцинга? — спросил барона один из его вассалов, между тем как по удалении пажа гигантская лошадь, которую благородный владетель присвоил себе, начала с удвоенным бешенством биться и скакать по длинной аллее, шедшей от дворца к конюшням Метцгерштейна.

— Нет! — возразил барон, резко поворачиваясь к говорящему, — умер, говорите вы?

— Точно так; и для вашей милости, вероятно, это не слишком нежеланная новость!

Быстрая улыбка скользнула по лицу Фредерика.

— Как он умер?

— Он бросился спасать своих любимых лошадей, и в это время сам погиб в огне.

— Действительно! — воскликнул барон, как будто бы правда какой-то возбуждающей мысли лишь мало-помалу производила на него впечатление.

— Действительно! — повторил вассал.

— Ужасно... — спокойно проговорил юноша, и, хладнокровно повернувшись, пошел в замок.